

Вернулся я къ тюрьмѣ моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замыселъ ласкалъ,
Терпѣль, томился и страдалъ...
И все зачѣмъ?... Чтобъ въ цвѣтѣхъ лѣтъ,
Едва взглянувъ на Божій свѣтъ,
При звучномъ ропотѣ дубравъ
Блаженство вольности познавъ,
Унесъ въ могилу за собой
Тоску по родинѣ святой,
Надеждъ обманутыхъ укоръ
И вѣщей жалости позоръ!...
Еще въ сомнѣнье погружонъ,
Я думалъ: это страшный сонъ...
Вдругъ дальній колокола звонъ
Раздался снова въ тишинѣ,—
И тутъ все ясно стало мнѣ...
О, я узналъ его тотчасъ!
Онъ съ дѣтскихъ глазъ уже не разъ
Сгонялъ видѣнья сновъ живыхъ
Про милыхъ ближнихъ и родныхъ,
Про волю дикую степей,
Про легкихъ, бѣшеныхъ коней,
Про битвы чудныя межъ скалъ,
Гдѣ всѣхъ одинъ я побѣждалъ!...
И слушалъ я безъ слезъ, безъ силъ.
Казалось, звонъ тотъ выходилъ
Изъ сердца — будто кто-нибудь
Желѣзомъ ударялъ мнѣ въ грудь.
И смутно понималъ я тогда,
Что мнѣ на родину слѣда
Не проложить ужъ никогда.

XXI.

«Да, заслужилъ я жребій мой!
Могучій конь, въ степи чужой
Плохаго сбросивъ сѣдока,